

Елена Стоянова

*Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского
(Шумен, Болгария)*

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

*Самая низкая ступенька – самая прочная:
она основа устойчивости всей лестницы.
Стоя на ней, можно ни о чем не тревожиться;
будучи вделана накрепко, она служит опорой всему остальному.*

Мишель Монтень

На рубеже XX–XXI веков в гуманитарной науке наблюдается бум концептуальных исследований (Н. Д. Аругюнова, А. Вежбицкая, С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, В. В. Красных, Г. Г. Слышкин и др.). Подобный интерес ученых к концепту в рамках антропологической парадигмы является вполне оправданным. В свете современной полипарадигмальности научных разработок *концепт* понимается как орудие исследования, а также как „единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке” (Слышкин 2000: 9).

В качестве связующего звена в процессе взаимодействия многогранного знания концепт имеет сложную и многомерную структуру. Структура концепта подобна снежному кому: «объем концепта увеличивается за счет новых концептуальных характеристик, обволакивается новыми слоями» (Болдырев 2001: 29–30). В структуре концепта нами выделяются такие компоненты, как: фактуальная составляющая, содержащая логико-предметную информацию, образная составляющая как отображение внутренней формы, культурно-коннотативная наполненность, включающая в себя социокультурную и эмотивную составляющие, а также актуальное содержание и развитие понятия в свете современной лингвокультурной ситуации.

В концептуальной модели мира онтологические концепты, связанные с объектами окружающей реальности, представляются неким базисом. Среди них особое место занимают *зооконцепты* как первичные когнитивные

структуры представления фрагментов действительного мира. Несмотря на значительный интерес к фразеологии с зоокомпонентом, а в последнее время – и к зооконцептам, зооморфная модель все еще остается в тени. Целью данной статьи является рассмотрение зооморфной мифологической модели как когнитивного механизма в языковой концептуализации окружающей действительности и особенности функционирования моделируемого знания в условиях современной лингвокультурной ситуации. Исследование осуществляется на примере концепта *петух* на материале русской фразеологии и метафорологии как языкового отображения действия когнитивных моделей в аспекте формирования новых смыслов.

В древний период человек находился во власти мифологического мышления, связанного с эмоционально-чувственным (не проводящим грани между чувственным образом и самой реальностью) восприятием мира. С. А. Токарев и Е. М. Мелетинский указывают на то, что „первобытный человек еще не выделял себя из окружающей среды” – будь то природа или человеческое сообщество (МС 1991: 12). Основными способами осмысления мира являлись миф и ритуал, а смысловыми единицами дологического мышления выступали коллективные представления, формирующиеся по законам сопричастности и эмоционально-чувственного познания мира. Характерными чертами традиционного видения мира является тесная связь реального и нереального, синхронии и диахронии. В силу данных условий миф характеризуется эмоциональностью и нерасчлененностью – он не проводит грани между образом и значением.

Жизнь человека в этот период протекала строго в соответствии с установленными схемами, образами, символами, в гармонии с окружающим миром и в единстве с природой. Формой «продолжения» жизни мифа на более позднем этапе представляется метафора, которая обеспечивает межпоколенную трансляцию архетипических образов¹, сохраняя их в языке и языковом сознании как культурную доминанту, стержень развития лингвокультуры. Именно поэтому отголоски мифа имеют место и сейчас. Несмотря на расширение концептуальной системы современного человека, миф, который определяет К. Хьюбнер в качестве «первичной и всеобъемлющей реальности» (Хьюбнер 1996: 11, 340), продолжает выглядеть фантастично в деталях и отклонять человека от реальности.

Единение с природой стало основополагающим критерием реализации представлений человека о природе, в частности о животном мире. Неслучайно характерной чертой мифического мышления славян оказывается антропоморфизм, проявляющийся в одухотворении стихий природы и уподоблении их человеку, то есть в наделении природных явлений и предметов духовными и телесными характеристиками человека. В частности, в жизни

¹ *Архетипов коллективного бессознательного* по терминологии К. Г. Юнга (1991).

древних людей особую роль играло единение человека с животными и наделение их человеческими чертами. Посредством подобного переноса происходило познание мира человеком и его последующая концептуализация, в которой имел место «умноженный отпечаток одного первообраза – человека» (Ницше 1912: 400). Прием антропоморфизации мира природы на раннем этапе развития сознания лежит в основе возникновения анимизма, тотемизма и фетишизма как разновидностей архаических верований и религиозно-социальных систем.

Восприятие и понимание мира древним человеком тесным образом было связано с животными, которые играли важную роль в его жизни – они обеспечивали человека едой и одеждой, помогали человеку ориентироваться во времени и пространстве. Более того, у многих народов мироздание существовало в образах животных. При этом некоторые животные вызывали у человека страх. Признавая их превосходство, человек поклонялся им. В мифах отражен факт представления в облике животных древних божеств. Важную роль в процессе разграничения человека и животного и установления превосходства человека над животным миром имело одомашнивание и приручение животных, изучение их повадок и поведения. В свою очередь, это способствовало развитию человеческого общества и обусловило реализацию идей неравенства, господства и принуждения.

Зооморфная модель (наряду с антропоморфной) являлась одним из важнейших средств концептуализации окружающей действительности. Изображения и представления о существовании полулюдей-полузверей свидетельствовали, о появлении у людей верхнего палеолита пантеона богов или сверхъестественных существ (The Prehistory of the Mind 1996; Lerro Bruce 2000: 17–20), магические действия шаманов, как сцены отождествления шамана с духом зверя, в целях пожелания удачной охоты, плодородия и т.д., обуславливаются пониманием общности природы и племени. Подобное ритуальное переодевание в шкуры животных и использование масок с изображением животных является проявлением традиционной культуры в буднях и праздниках различных народов.

На основе опыта человека формируется уникальная модель мира, в которой фиксируются основные мировоззренческие универсалии человека, отражающие особенности среды его обитания. Реализацией мифологической концепции мира служит *мировое древо* (от лат. *arbor mundi* – космическое древо), которое связывает основные пространственно-временные координаты. В пространственной модели находят отражение уровни животного мира: верхний уровень – птицы; средний – копытные животные (а позднее и человек), нижний ярус – пресмыкающиеся, рыбы и фантастические существа (МС 1991).

Дихотомия как одно из основных средств описания мифологической модели мира являлась неосознанным средством обобщения и регламентации объектов окружающей действительности. Члены бинарной оппозиции мар-

кировались один положительно, а другой – отрицательно, где отрицательное воспринимались как попытка нарушения гармонии, как отклонение, которое нуждается в упорядочивании. С их помощью осуществлялось структурирование пространства (верх–низ, левый–правый и т.д.), времени с характерным признаком циклического возрождения (день–ночь), социокультурной сущности жизни (свой–чужой, добро–зло) и т.д. В отношении животного мира также применялся дихотомический принцип – одни животные, с которыми имел дело человек, были положительными (например, *петух* как уподобление солнцу и глашатай солнца²), а другие животные (например, *летучая мышь* как представление смерти, тьмы, тайны) воспринимались отрицательно.

Взаимоотношение человека с миром животных, оценка места животных в установленной иерархии занимают умы философов с древности. Древнегреческая философия в период VII–VI вв. до н.э., основываясь на мифологии, пыталась осмыслить действительную суть мира (Космоса). Природа, как объект знания, включала весь окружающий мир, в том числе и самого человека. Неслучайно философы впоследствии используют образ животного мира в осмыслении человека и общества. Учение о душах Пифагора утверждало, что животные и люди имеют души одного порядка. В сочинениях древнегреческого философа Аристотеля (384–322 до н. э.) человек оценивается через призму имеющейся в обществе социальной среды и политической организации и именуется *общественным (политическим) животным*³.

Таким образом, модель мира ориентирована в сторону мифа, важным показателем которого представляется антропоморфизация как способ познания и описания реальности. В структуре сознания и культуры важное место занимают зооморфные концепты. Истоки многих из них находятся в глубинных пластах культуры. Указанные концепты представляются фиксацией в языковом сознании и дискурсе представлений о животном мире. С помощью метафоры в различных дискурсах формируются связи между объектами действительного мира в рамках целостности первообраза. Поэтому метафору можно считать средством моделирования мира человека, прототипом которого выступает природа. На этом основании зоометафору

² В основе метафорического переноса лежит сходство по внешнему виду и по функции. Функциональные ассоциации связаны с отсчетом и регламентацией времени в соответствии с пением петухов. Членение временного потока присутствует в Священном Писании в виде четырех страж времени, принятых обитателями Палестины от Римлян. Петушиный крик был началом третьей ночной стражи (Мк 13: 35), разгоняющей нечистую силу, т.е. той, которая была на равном расстоянии от полночи до утренней зари (Полная популярная библейская энциклопедия URL).

³ Человек по своей природе есть общественное (политическое) животное. Выражение стало популярным после выхода в свет (1721) «Персидских писем» французского писателя и мыслителя Шарля Монтескье (1689–1755), который процитировал эту фразу Аристотеля (87-е письмо).

можно считать основополагающей структурой в последующей концептуализации мира, которая принадлежит к универсальным способам представления действительности. Несмотря на то, что зооморфные образы характерны для различных языков, исследователи отмечают, что конкретные метафоры, соответствующие этой модели, очень часто не совпадают (Гак 1977: 115).

Метафорическая модель *животное – человек* является частью антропоморфного механизма концептуализации действительности. Указанный антропоморфный механизм отражает концептуальные знания и представления человека о животном мире. При этом фиксируется двуаспектность зооморфной метафоры: антропоцентрическая направленность концептуализации мира реализуется, с одной стороны, при наделении животных признаками и свойствами человека, а с другой – при использовании образа животного для характеристики самого человека.

Концепт *петух* принадлежит к предметным концептам, соотносимым с животным миром, знания о котором начинают аккумулироваться в древний период на основе сенсорно-перцептивного образа. Изображения птиц сакрального характера относятся к периоду верхнего палеолита (Мифы народов мира 1980: 346). Как известно, домашние животные и птицы играли важную роль в жизни человека и были не только источником питания и бытового комфорта, но и выступали элементами концептуальной системы, давали «метрически-эталонную сферу» (термин В. В. Красных (2002: 257)).

В трехуровневой модели мира, в соответствии с мифологическим мировоззрением, птицы принадлежат верхнему, небесному ярусу (см. Рыбаков 1980; Мифы народов мира: 346–349; Маслова 1997: 98). В основе мифологического образа *петуха* лежит его связь с Солнцем, которая проявляется двояко – в божественном начале и уподоблении солнцу, на основе которого порождается ряд когнитивных моделей. Мифологемы как логически структурированные архетипы, метаобразы представляют знание, хранящееся в глубинных структурах сознания человека. Именно они, как пишет В. Н. Телия, моделируют архетипические и прототипические результаты человеческого самосознания и выступают источником культурно значимой интерпретации фразеологии (Телия 1996: 239). Мифологемы направляют развитие фразеологической семантики и лежат в основе когнитивных моделей смыслообразования. Анализ эксцерпированного фразеологического материала показывает, что мифологическая составляющая рассматриваемого концепта в русской лингвокультуре представлена двумя основными мифологемами *петух – божество*, *петух – человек*, на основе которых устанавливается вторичная модель эталонности *петух – эталон*. Данные мифологемы задают когнитивный механизм формирования смыслов в современном языке.

В рамках данной статьи рассмотрим действие мифологемы *петух – божество*. Большинство культурных традиций причисляют птицу к солярным знакам и связывают с различными божествами (Аполлон, Митра, Гермес или

Меркурий, Асклепий, Марс и др.) и их атрибутами (Энциклопедия мифологии URL). Подобная связь наделяет *петуха* божественной силой и делает его частью магических ритуалов (очищение и защита от злых духов, жертвоприношение, ритуальная еда). Как известно, в древней культуре практическое (в виде ритуалов и обычаев) приложение символических представлений и мифологического мироощущения было обусловлено единством ее мировоззренческого и функционального аспектов (Токарев, Мелетинский 1980: 11–19).

Петух выступает зооморфной трансформацией Солнца как языческого божества. При этом оберегом выступает как сам петух, так и его голос. Петух как оберег традиционно устанавливался на крышах домов, шестах, шпилях, флюгерах, *петуха* изображали на бытовых предметах (Мифы народов мира 1980: 309–310). Отсюда и использование петуха как геральдического знака, национальной эмблемы и формирование соответствующих номинаций. Например, перифрастическое наименование Франции и французов фиксируется как: *Галльский петух*, а номинация футболистов Франции – *петухи*. Функционирование как оберега базируется и на том факте, что с криком петуха отступали и исчезали мифические персонажи и злые духи. Поэтому петушиное пение предохраняло от разного рода напастей: эпидемий, болезней и др. (Русская энциклопедия URL).

Ассоциативный признак соотношения *петух – солнце* по внешнему виду моделируется в русской лингвокультуре в символику огня. Мифологема задает несколько когнитивных моделей: *петух – хозяин*, *петух – огонь*, *петух – время*, а обереговая значимость голоса петуха находит реализацию в когнитивных моделях: *петух – сигнал*, *петух – фальшь*.

петух – хозяин

В русской лингвокультуре мифологема находит языковую реализацию и представлена следующими фразеологическими единицами: русск. *Всяк петух на своем пепелище хозяин*; *Петух гоголем на своем дворе ходит* и др.

В современном медиадискурсе фиксируется представление метафоры хозяина: *Они уже докукарекались, кто из них главный петух в этом курятнике* (Страна.Ru 25.06.2004).

петух – огонь

Уподобление солнцу по внешнему виду лежит в основе метафорического осмысления огня как красного петуха. Данная метафора фиксируется в ряде фразеологических единиц: русск. *красный петух* ‘поджог, пожар’, *подпускать / подпустить красного петуха* ‘устраивать пожар, поджигать кого-либо’, *пускать / пустить <красного> петуха*; *посадить красного петуха на крышу* ‘поджигать что-либо, устраивая пожар’. Подобное метафориче-

ское осмысление представлено в языке современных массмедиа. Например: *Но при этом альтернативы такому способу борьбы с «красным петухом» в густонаселенных мегаполисах просто нет.* (РБК Daily, 25.03.2008); *Как сообщить на пресс-конференции «Зеленые легкие» против «красного петуха», или как защитить крымский лес от пожаров» глава Рескомприроды Крыма Евгений Бубнов, из года в год площадь пожаров на полях остается стабильной.* (Новый регион 2, 18.06.2010) и др.

Наряду с метафорой *красного петуха* в медиадискурсе, используется и метафора *огненного петуха*. Например: *Выручила дождливая погода, но в теплые дни, то и там «огненный петух» может разгуляться* (Труд-7, 29.07.2003); *В стране около 54 миллионов квартир и ежегодно около 270 тысяч из них посещает «огненный петух»* (Труд-7, 25.04.2003) и др.

В русском языке указанная символика оказывается активной в жаргонном употреблении: *сел петух на хату* ‘о поджоге’ и ‘об установленном за квартирой наблюдении’; *взять под петуха (что)* ‘огрбить и поджечь (помещение и т. п.)’.

петух – время

Функциональные ассоциации *петух – солнце* связаны с отсчетом и регламентацией времени в соответствии с пением петухов. Петух работает как часы, его пение раздаётся в одно и то же время. Членение временного потока присутствует в Священном Писании в виде четырех страж времени, принятых обитателями Палестины от Римлян. Петушиный крик был началом третьей ночной стражи (Мк. 13: 35), разгоняющей нечистую силу, т.е. той, которая была на равном расстоянии от полночи до утренней зари (Полная популярная библейская энциклопедия URL). Ассоциации петуха как определителя времени присутствуют в русских народных загадках о петухе: *Не часы, а время сказывает; Не сторож, а всех рано будит.*

Мифологема задает временную систему координат, в которой время измеряется в связи с пением петуха, а также служит основой развития семантики обобщения – поет петух – значит раннее время суток. На этом основании *петух* утверждается в качестве ранней птицы. В русском языке формируются такие фразеологизмы, как: *до петухов (встать, подняться); вставать, просыпаться с петухами; жить с петухами* ‘вставать очень рано’; *С петухами вставать, с курами ложиться* ‘рано ложиться спать и рано вставать’.

Кукареканье петуха всегда служило для людей способом следить за временем. Если первые петухи подавали сигнал к пробуждению, то последующее пение вторых и третьих петухов регламентировало хозяйственную деятельность людей. Петушиное пение принято стратифицировать следующим образом: первые петухи поют в первом часу ночи; вторые – во втором часу ночи, а третьи – в четыре часа утра. В соответствии с установками русско-

го языкового сознания в отношении членения суток, имеет свою специфику семантика русских фразеологизмов, связанных с петушиным пением: русск. *до первых петухов* ‘за полночь’, *до вторых петухов*, *до поздних петухов* ‘до глубокой ночи’, *до третьих петухов* ‘до рассвета’; *гулять до петухов* ‘гулять до рассвета’; *просидели всю ночь до петухов* ‘до самой зари’; *первые (вторые, третьи) петухи пели / пропели*; *И петух свои часы знает* и т.п.

Современные ориентиры времени в медиадискурсе также базируются на мифологических установках. Например: *В течение недели в «Мамаевой слободе» будут устраивать вечеринки, а завершится все народными гуляниями, которые будут продолжаться до третьих петухов* (Новый регион 2, 28.02.2011); *Пригородные поезда начнут ходить по новому графику уже с воскресенья, 31 мая Летом они «просыпаются» с петухами – начинают ходить с четырех утра, а перестают за полночь* (Комсомольская правда, 27.05.2009); *Они ведь уже не встают с петухами, начинают работать в основном в 9 утра, а не в 6–7, как было раньше* (Комсомольская правда, 10.07.2014); *Едва только пропели первые петухи, я, стараясь не разбудить спящих соратников, спешно покинул этот гостеприимный чертог тихо, по-английски и скрылся в суетливых дебрях Москвы* (Комсомольская правда, 16.01.2003); *Тогда было бы как в Дагестане – там, говорят, по 25 человек на место с первых петухов занимают в военкоматах* (Комсомольская правда, 26.04.2011) и др.

Изменение стиля жизни современного человека, расширение географии его проживания приводит к появлению новой метафоры *утренние петухи, европейские петухи*: *И в лице у Хомя такое предчувствие наслаждения, что если б не утренние петухи...* (Комсомольская правда, 03.06.2003); *Чтобы успеть сделать все запланированное, Гус проснулся раньше первых европейских петухов – в 4 утра по среднеевропейскому времени* (Комсомольская правда, 13.08.2008).

В ряде случаев фиксируется вариантность единиц: *с первым петухом – с первыми петухами; до первых петухов – до петухов*. Например: *Суббота, подъем с первым петухом, быстрые сборы и мы уже в пути* (Комсомольская правда, 27.03.2012) – *Еще недавно Минобороны и Генштаб устраивали им суровые разносы за слабую укомплектованность подразделений контрактниками, а сейчас добровольцы с первыми петухами начинают толпиться у полковых ворот* (Комсомольская правда, 14.03.2009); *Половина из них посмертно Бригада ждала Путина с легендарным ефрейторским зазором – полная готовность была объявлена еще до первых петухов* (Комсомольская правда, 01.08.2012) – *Но компьютеры у властей предрержающих все лучшее, кабинеты все роскошнее, а за мизерной справкой как занимали очередь до петухов, так и занимаем* (Комсомольская правда, 19.10.2011).

Петух выступает своеобразным глашатаем солнца, а петушиный крик – знаком определенной сигнальности. Так, пение петуха послужило знаком для отречения Петра от Иисуса. Иисус предсказал, что Петр отречется от Него «прежде, нежели пропоет петух» (Мф. 26:34,74; Ин. 13:38; 18:27). По русскому преданию, когда перестанут петь петухи, тогда придет конец всему миру. Отсутствие пения соотносится с бедой и неблагополучием: русск. *Петух не поет кому, у кого* ‘о бедном, неимущем человеке’; *Петух поет, а дня нет* ‘о тяжелой жизни, бедственном положении кого-либо’.

Образ петуха как сигнала ведет к формированию формулы невозможно как вида фразеологической оксюморонности (на основе сочетания несочетаемого). Подобных примеров в значении ‘никогда’ в русском языке очень много, они встречаются в пословицах и поговорках, заговорах и загадках: *Когда курица запоет по-петушину*; *Когда петух яйцо снесет*; *Когда жареный петух (в одно место) клюнет*; *Не петь курице петухом, не владеть бабе мужиком*; *Пока петух не клюнет, мужик не перекрестится*; *Не бывать плешивому кудрявым, курице – петухом, а бабе – мужиком* и др.

Вариативные сочетания *клюнет / начинает клевать / должен клюнуть жареный петух* в современных медиатекстах приобретают семантику знака, сигнала к действию. Например: *Все это очень мило ровно до тех пор, пока не клюнет жареный петух, но в ситуации с жареным петухом Россия и так стремительно приходит в себя, ибо умеет решать внутренние проблемы только путем подвига* (Труд-7, 10.06.2010); *А потом тренера начинает жареный петух клевать в известное место – и он давай быстрой менять петровых на трех ивановых, которых он не поставил на старте* (Советский спорт, 22.06.2009); *Для того чтобы человек воспринял уроки истории как относящиеся непосредственно к нему, петух должен клюнуть его в темечко* (Комсомольская правда, 11.05.2009); *Бизнесмены гадают, кого клюнет петух* (РБК Daily, 31.12.2004); *И наступивший век, подобно тому жареному петуху, можно сказать, долбанул нас в темечко* (Труд-7, 20.12.2002) и др.

Окказиональная метафора в медиатекстах формируется за счет расширения структуры сочетаний путем введения определений. Например: *После каждого кровавого теракта, что устраивали в последние годы в России чеченские боевики, многие официальные лица на Западе лицемерно поджимали губы, давая понять, что считают эти варварства не преступлениями, а «проявлениями освободительной борьбы народа Чечни».* Запевалой в этом деле непременно выступал Лондон, приласкавший под своим крылом нескольких чеченских головорезов во главе с объявленным в международный розыск Ахмедом Закаевым. *И вот теперь исламистский «зеленый петух» клюнул в самое сердце Англии* (Комсомольская правда, 07.07.2005); *Не дожидаясь, когда их «клюнет заморский петух», они обратились за поддержкой к высшей инстанции* (Труд-7, 27.04.2005).

Петушиное пение и поведение петуха регламентируют народный календарь примет и формируют народную метеорологию. Было принято ночью после первого крика петуха креститься, поскольку с криком петуха отступали и исчезали мифические персонажи и злые духи. Именно поэтому считалось, что петушиное пение предохраняет от разного рода напастей: эпидемий, болезней и др. (Русская энциклопедия URL). По народному поверью, например, крик петуха на вечерней заре и в полдень предвещал смерть или перемену погоды. Неурочный крик петуха предвещал получение новостей (Там же). Приметы живут в русских пословицах и поговорках: *Петух поет – значит, нечистой силе пора пришла; Петух поет – на небе к заутрене звонят; Петух поет на пороге – жди гостей; Петух головой трясет – к беде в доме; Петухи запели: жениться пора!; Если петухи в селении не вовремя распойются – к покойнику* и др.

Когнитивная модель оказывается действенной в медиатекстах. Например: *Налево пойдешь – в украинские земли забредешь, направо двинешь – белорусский Гомель не за горами, обратно поедешь – там русский Брянск. Один **петух кричит** на три государства. Сюда, как птицы весной, слетаются восточные славяне, чтобы вспомнить свое родство, в знак которого поставили тридцать лет назад Монумент Единства (Труд-7, 26.06.2007); Неужели пока **петух** не **прокричит**, администрация не перекрестится? (Комсомольская правда, 07.02.2009); Аукцион по продаже «Юганскнефтегаза», главного добывающего актива печально известной нефтяной компании, состоялся 19 декабря, и рынок до сих пор не уверен в том, кто в итоге станет фактическим владельцем нефтяной сокровищницы, объем добычи которой составляет около 50 млн. тонн нефти в год. Пока на это теплое место «назначена» «Роснефть», но лишь «голубой **деревянный петух**» определит окончательную судьбу «Юганска» (РБК Daily, 31.12.2004).*

Мифологическая значимость сигнальности пения петуха находит отражение в метафорическом осмыслении действия: *кукарекать, накукарекать, прокукарекать, докукарекаться*. Например: *Отказ учитывать реальную расстановку сил и вести переговоры с властью, надежда на ухудшение экономического положения и возникновение «революционной ситуации», в которой Путин, будто бы, вынужден будет считаться с Глазьевым, означало, что фракция и блок приобретают экстремистские и популистские черты – главное **прокукарекать** о своих благих намерениях, а о результатах можно и не заботиться* (Правда.РУ 10.02.2004); *В результате одни **накукарекали** 4,1%, а другие – 3,9% – эмоционально отреагировал на вопрос о «старших товарищах» Андрей Вульф, напомнив итоги думских выборов «Яблока» и СПС, оказавшихся за бортом парламента* (Страна.Ru 25.06.2004); *Они уже **докукарекались**, кто из них главный петух в этом курятнике* (Страна.Ru 25.06.2004).

петух – фальшь

Ассоциация с крикливым петушиным пением ведет к формированию ФЕ: *пустить (дать) петуха* ‘сорвавшись на высокой ноте во время пения, издать пискливый звук’, а также русск. *петух в горле засел у кого* ‘об охрипшем человеке’; *петуший голос* ‘крикливый, резкий’. Например: *Если догадка верна, то БАБ при исполнении своей арии «дал петуха»: снова допустил возможность насильственного свержения власти в России, хотя и оговорился: «Восстание – как крайнее средство»* (Труд-7, 27.08.2007); *Стоит ли говорить, чем такое оборачивается, если даже в играх со слабенькими «по гамбургскому счету» командами Албании и Грузии наш оборотительный ансамбль явно давал петуха? Два оскорбительных – да, именно так – для нашего футбола поражения сборной были восприняты так, будто ничего и не случилось.* (Труд-7, 06.06.2003); *«Не дать петуха» в самый ответственный момент дебатов поможет модная нынче на Западе операция – «подтяжка голоса»* (Труд-7, 02.09.2006) и др.

В современных медиатекстах, наряду с семантикой ‘фальши’, фиксируется и сема ‘ошибки’. Например: *Если собеседник «дает петуха», он явно чем-то напуган или рассержен. А если вы, заподозрив неискренность, решите разоблачить врунишку, он тут же начнет говорить громче и быстрее. Кстати, истинные чувства отражаются на лице чуть раньше, чем открывается рот. А вот фальшивые – одновременно или позже* (Комсомольская правда, 27.11.2006) – Ср. *Вбрасывание в зоне гостей. И тут петуха дают швейцарцы. Опрометчивый пас вдоль синей линии перехватывает Морозов и на пару с Ковальчуком устремляется вперед. Сборная России продолжает победное шествие в Берне* (Советский спорт, 29.04.2009); *Ложь можно определить по частым паузам или легким заиканиям, повторениям слогов («я это не-не-не видел»).*

Итак, мифологема в качестве продукта коллективного бессознательно-го оказывает латентное влияние на развитие семантики образных единиц языка, служащих ее лингвистической объективацией. Проанализированный материал позволяет сделать вывод о том, что мифологема как когнитивные структуры базового уровня категоризации моделируют и формируют своеобразную матрицу смыслообразования. На примере мифологема *петух – божеество* определяются когнитивные модели (*петух – хозяин, петух – огонь, петух – время, петух – сигнал, петух – фальшь*), в соответствии с которыми происходит категоризация знания в рамках современной лингвокультурной ситуации, а также регламентация функционирования языковых единиц в российских медиатекстах.

Библиография

- Болдырев Н. Н. (2001), *Концепт и значение слова*, [в:] Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание, Воронеж, с. 25–45.
- Гак В. Г. (1977), *Сравнительная типология французского и русского языков: учебное пособие*, Ленинград.
- Красных В. В. (2002), *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций*, Москва.
- Маслова В. А. (1997), *Введение в лингвокультурологию: учебное пособие*, Москва.
- МС (1991), *Мифологический словарь*, Славянская и русская мифологии, ред. Е. М. Мелетинский, Москва.
- Мифы народов мира (1980), *Мифы народов мира: Энциклопедия*, т. 2, Москва.
- Ницше Ф. (1912), *Об истине и лжи во внеэтическом смысле* (1873), Полн. собр. соч., т. 1, Москва.
- Полная популярная библейская энциклопедия*, <http://enc-dic.com/biblepop/Biblija-369/>
- Русская энциклопедия*, http://enc-dic.com/enc_rus/Petuh-1054.html
- Рыбаков Б. А. (1980), *Язычество древних славян*, Москва, <http://www.rodon.org/rba/yads.htm#a17>
- Слышкин Г. Г. (2000), *От текста к символу: Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе*, Москва.
- Слышкин Г. Г. (2004), *Лингвокультурный концепт как системное образование*, Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», №1, с. 29–34.
- Степанов Ю. С. (1997), *Константы: Словарь русской культуры*, Москва.
- Стоянова Е. В. (2015), *Зооморфная концептуализация в контрастивном аспекте (на материале русской и болгарской фразеологии)*, [в:] *Материалы IV Международной заочной научно-практической конференции «Язык, культура, текст: контрастивный анализ»*, Славянск-на-Кубани, с. 93–101.
- Телия В. Н. (1996), *Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты*, Москва.
- Токарев С. А., Мелетинский Е. М. (1980), *Мифология, Мифы народов мира: Энциклопедия*, Т. 1, Москва.
- Хюбнер К. (1996), *Истина мифа*, Москва, http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Hubn/index.php.
- Энциклопедия мифологии*, <http://godsby.ru/slavs/perun.html>.
- Энциклопедия символики*, <http://glossword.info/index.php/index/36-entsiklopediya-simvoliki.xhtml>.
- Bruce, Lerro (2000), *From earth spirits to sky gods Socioecological Origins of Monotheism*, Lanham MD.
- The Prehistory of the Mind (1996), *Prehistory of the Mind: The Cognitive Origins of Art, Religion and Science*.

Elena Stojanova

ZOOMORPHIC MODEL IN THE WORLD CONCEPTUALIZATION

(Summary)

Ontological concepts, associated with objects of the surrounding reality, appear as a basis in the conceptual model of the world. The special place among them is occupied by *zoo concepts* as primary cognitive structures, which represent fragments of the real world. Despite considerable interest in phraseology with zoo component and zoo concepts the zoomorphic model is still in the shadow. This paper is devoted to examining zoomorphic mythological model as a cognitive mechanism in language conceptualization of reality and of functioning of the simulated knowledge in modern linguistic and cultural situation. The research is based on the concept cock on the material of Russian phraseology and metaphorology as a language reflection of the activity of cognitive models in the aspect of creating new meanings.

Keywords: Russian language and culture, language and culture situation, myth, cognitive model, concept.

ЗООМОРФНАЯ МОДЕЛЬ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

(Резюме)

В концептуальной модели мира онтологические концепты, связанные с объектами окружающей реальности, представляются неким базисом. Среди них особое место занимают *зоо-концепты* как первичные когнитивные структуры представления фрагментов действительного мира. Несмотря на значительный интерес к фразеологии с зоокомпонентом, а в последнее время – и к зооконцептам, зооморфная модель все еще остается в тени. Целью данной статьи является рассмотрение зооморфной мифологической модели как когнитивного механизма в языковой концептуализации окружающей действительности и особенности функционирования моделируемого знания в условиях современной лингвокультурной ситуации. Исследование осуществляется на примере концепта *петух* на материале русской фразеологии и метафорологии как языкового отображения действия когнитивных моделей в аспекте формирования новых смыслов.

Ключевые слова: русский язык и культура, лингвокультурная ситуация, мифологема, когнитивная модель, концепт.